

ЖАКЛИН
УИНСПИР

Жаклин Уинспир – лауреат самых престижных премий детективного жанра, от «Агаты» до «Макавити». Ее книги неоднократно возглавляли список бестселлеров «Нью-Йорк таймс». Мировую славу Уинспир принесла серия романов о приключениях Мейси Доббс.

ЖАКЛИН
УИНСПИР

НЕЗАВЕРШЕННАЯ
МЕСТЬ
.....
СРЕДИ БЕЗУМИЯ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
УЗ7

Серия «Золотой век английского детектива»

Jacqueline Winspear
AN INCOMPLETE REVENGE
AMONG THE MAD

Перевод с английского
Ю. Фокиной («Незавершенная месть»),
Н. Сечкиной («Среди безумия»)
Компьютерный дизайн В. Половцева

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Amy Rennert Agency и Jenny Meyer Literary Agency, Inc.

Уинспир, Жаклин.

УЗ7 Незавершенная месть. Среди безумия : [сборник] / Жаклин Уинспир ; [пер. с англ. Ю. Фокиной, Н. Сечкиной]. — Москва : Издательство АСТ, 2015. — 544 с. — (Золотой век английского детектива).

ISBN 978-5-17-090077-0

Старый друг Мейси Доббс, магнат Джеймс Комптон, просит ее расследовать череду поджогов, ставших настоящим бедствием в тихой кентской деревушке. Местные жители привычно винят во всем цыган. А Мейси в ходе расследования узнает о том, что во время войны здесь погибла целая семья, и начинает подозревать: поджоги связаны именно с этим...

Загадочная гибель бездомного на улице, отравление собак в приюте для животных и письма террориста, угрожающего уничтожить британское правительство, если оно не улучшит условия жизни военных ветеранов. Что может быть общего у этих событий? Однако связь, безусловно, есть, и Мейси Доббс, подключившаяся к расследованию, намерена установить ее, пока не произошло новое преступление...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Jacqueline Winspear, 2008, 2009

Школа перевода В. Баканова, 2015

ISBN 978-5-17-090077-0 © Издание на русском языке AST Publishers, 2015

НЕЗАВЕРШЕННАЯ
МЕСТЬ

*Посвящается моим родителям,
Альберту и Джойс Уинспир, с бесконечной любовью.*

Из всех даров, что способен один человек преподнести другому, самые значимые и вневременные — это любовь без изысков и умение рассказывать истории.

*Кларисса Пинкола Эстес, «Дар рассказа.
Мудрая сказка о том, что такое «достаточно»*

...Наносимую человеку обиду надо рассчитать так, чтобы не бояться мести.

*Никколо Макиавелли (1469–1527),
«Государь» (пер. Г. Муравьевой)*

Лучшее отмщение — это полное прощение.

Джош Биллинг, юморист, США (1818–1885)

Пролог

Начало сентября 1931 года

На ступенях кибитки, расположенной в некотором отдалении от остального табора, сидела старуха. Вынув из кармана глиняную трубку, она повздыхала над остатками табака, передернула плечами, чиркнула спичкой по ободу таза, притороченного к кибитке. Подошла табак, сунула мундштук в иссохший рот, стала втягивать живительный дым. Под лестницей посапывал пес. Старая цыганка знала: одно ухо у него всегда востро, один глаз вечно бдит, отслеживает каждое движение хозяйки.

Она была известна как тетушка Бьюла Вебб («тетушку» к имени старшей в таборе прибавляют все цыгане). Посасывая трубку, Бьюла шурилась на окрестные поля, поглядывала на хмельник, что располагался за полями. Хмель вызрел, думала она; ароматные зеленые шишечки висят рядами, дожидаются проворных рук сборщиков. Скоро из Лондона понаедут эти самые сборщики — к сентябрю они приурочивают отпуск, берут с собой жен и детей. Все, все будут работать на хмельнике. И цыгане из табора тетушки Бьюлы, и гадже* из окрестных деревень. Гадже. Очень их много — тех, кто живет в домах, тех, кто не принадлежит к кочевому племени.

Соплеменники тетушки Бьюлы в чужие дела не лезут, занимаются исключительно своими; проблем не создают. Тетушка Бьюла надеялась, что нынче цыганские метисы на сбор хмеля не нагрывают. Истинный рома никому не доверя-

* Люди, не являющиеся цыганами (не обязательно по крови, в большей степени — по культуре, воспитанию, мироощущению). Единственное число — гаджо. — *Здесь и далее — прим. пер.*

ет, а цыганскому метису — меньше всех. Одни проблемы от этих полуцыган, думала тетушка Бьюла. Обычаев старинных не чтут, а туда же — кочевать пытаются, даром что не лошадок в кибитки впрягают, а грузовиками их буксируют, а что такое грузовик? Костотряс, и больше ничего. Бьюла оглянулась на кибитку, которой владел Вебб. Просто Вебб — так она его называла. Сын. Крохотная дочка Вебба, Бусал, тоже полуцыганка, выходит; но уж такая она смугляночка, такая глазастенькая — любо-дорого глядеть.

Из-под днища кибитки Бьюла извлекла четыре жестяных таза. Один — для мытья посуды; второй — для стирки; третий — мыться самой, четвертый — прибираться в кибитке. Натаскала хвороста, раздула угли, повесила над костром чайник. Сидеть без дела было ей непривычно и неприятно. Пока чайник закипал, тетушка Бьюла вязала букеты из диких астр: пойдет от дома к дому, станет продавать цветы. Навязав целую корзинку букетов, Бьюла снова уселась на ступенях кибитки.

Знает она этих гадже, этих деревенщин; завидят ее на улице — отворачиваются, боятся встретить взгляд черных, как мокрая галька, глаз на смуглом, сморщенном лице. Брезгают глядеть на золотые сережки-обручи, на головной платок, на широченную поношенную юбку из пунцовой шерсти — словом, на все эти цыганские атрибуты. А то еще детишки дразнятся:

— Эй, чернавка-попрошайка, куда идешь? Ты что, оглохла? Отвечай: оглохла, старая ворона?

Бьюле в таких случаях достаточно посмотреть на охальника, погрозить черным, как уголь, указательным пальцем, изрыгнуть протяжную гортанную фразу. И куда только девается гонор? Малышню как ветром сдувает.

Что интересно: женщины первые отворачиваются от тетушки Бьюлы, но в деревне есть несколько — достаточно для заработка, — что открывают двери на стук, суют в черную ладонь пенни, хватают астры (побыстрее, чтобы не коснуться цыганки). Бьюла только усмешается. Она знает: лишь падут сумерки, как под ногой робкой гостью хрустнет сучок, ищейка поднимет морду, зарычит глухо, не горлом, а брюхом. Бьюла положит руку собаке между ушей, шепнет: «Тише,

тише». Дождется приближения шагов (еще секунда — и собаку будет не удержать) и только тогда окликнет: «Эй, кто там?» И в ответ услышит просительное: «Мне бы поворожить...»

С улыбкой Бьюла снимет платок со стеклянного шара — она его заранее выносит из кибитки.

Разумеется, стеклянный шар никакого отношения не имеет к предсказанию судьбы — но без него нельзя. Старая цыганка школ не кончала, а знает, как дела делаются. Ни стекляшка, ни хрусталь, ни аметистовый талисман, ни спитой чай, ни кроличья лапка ей не нужны. Этот хлам она держит для клиентов, потому что им подавай нечто осязаемое. Знай деревенские гусыни, что старой Бьюле ведомо и прошлое их, и будущее, — они бы наутек пустились от кибитки. Но и денег бы не заплатили, а что ж в том хорошего?

Из шатра Вебба послышался писк — проснулась маленькая Бусал. Наметилось движение, цыгане подтягивались, разжигали огонь, готовились к наступающему дню. Истинный цыган ночует не в кибитке, где ни пылинки нет, ни пятнышка, где сверкает медная утварь и светится тончайший фарфор. Как и сама Бьюла, члены ее табора спят в шатрах. Натягивают холст на березовую или рябиновую раму — и готово. Кибитки же используют для особых случаев. Бьюла подняла взгляд на рассветное солнце, снова посмотрела на поля. С росной земли навстречу новому дню поднимался туман. Бог с ними, с жителями Геронсдина. Каждого из них, всех без исключения, окутывает темная тень; за каждым тянется она, как хвост, гнет к земле, ни на миг не дает выпрямить спину. В Геронсдине обитают призраки, и нет от них покоя селянам — ни днем, ни ночью.

* * *

Бьюла нагнулась над чайником — и лицо ее исказила пульсирующая боль, и перед глазами вспыхнул свет. Это было уже не впервые — старая цыганка успела привыкнуть к таким приступам. Чайник грохнулся на уголья, иссохшая рука дернулась ко лбу, веки сомкнулись, но и на их исподе продолжали плясать языки огня. «Снова этот огонь». Бьюла хватала ртом воздух, жар поднимался от ступней к животу,

ноги взмокли от пота, ладони стали липкими. И в очередной раз явилась Бьюле молодая женщина. Явилась прямо из пламени, не виденная раньше вживую. Теперь, Бьюла знала, встречи ждать недолго. Женщина была высока ростом и черноволоса. Волосы не очень длинные, но и не такие короткие, как у этих гадже. Бьюла прислонилась к кибитке. Сразу же рядом возникла ищейка, подставила для опоры поджарый бок. Женщина из пламени знала горе, видела смерть. Она шла одна — но Бьюла видела на ее плечах груз, который мало-помалу становился легче, поднимался, как утренний туман, чтобы вовсе исчезнуть. *Ты сильная*, думала Бьюла про женщину; ты... Старая цыганка тряхнула головой. Видение поблекло, женщина отвернулась, шагнула обратно в огонь, исчезла.

Прижимая ладонь ко лбу, все так же прислоняясь к кибитке, старая цыганка с опаской открыла глаза и огляделась. Прошло всего несколько секунд, но Бьюла видела достаточно, чтобы уяснить: приближаются трудные времена. Цыганка рассчитывала найти в черноволосой женщине союзницу; впрочем, были у нее и сомнения на этот счет. Не сомневалась Бьюла в трех вещах: конец ее близок; перед смертью она встретится с женщиной из пламени, причем та сама явится к ней; эта женщина даром что считает себя обыкновенной, на самом деле преследует и теснит саму Смерть. Ибо таково ее предназначение, ведь она — полуцыганка. Что же касается Смерти, Бьюла Вебб отлично знает: Смерть скоро придет сюда, в деревню Геронсдин, и предотвратить ее появление никак нельзя. Можно лишь попытаться защитить табор.

Солнце поднялось выше. Цыгане останутся на этом месте еще дня три, затем переберутся на поляну, что лежит сразу за фермой, натянут шатры подальше от лондонцев. Лондонцы — сборщики хмеля — будут жить в беленых времянках, по вечерам собираться у костра и горланить непристойные песни. А Бьюла, не отвлекаясь от каждодневных забот, станет ждать. Она будет ждать женщину в городской одежде, с аккуратной прической; женщину, наделенную даром предвидения — столь же сильным, как и у самой Бьюлы.

Глава 1

Марта Джонс оглядела своих учеников, скользнула глазами по высокому потолку студии, по бесконечным моткам крашеной пряжи, вывешенным на специальные балки таким образом, чтобы яркая краска не пачкала стены. Шесть деревянных ткацких станков теснились в углу — места было мало. Стол Марты — выдавший виды, дубовый — помещался у двери и был завален бумагами, книгами и эскизами. Справа от стола виднелась древняя кушетка с красным бархатным покрывалом, маскирующим штопку на обивке. Слева, у стены, стояло несколько прялок, рядом — коробка, где Марта хранила шерсть, собранную во время воскресных загородных вылазок. Конечно, у Марты налажены прямые поставки необработанной шерсти — но ей нравится снимать клочки с боярышниковых и ежевичных изгородей. Овцы имеют обыкновение чесать бока об эти изгороди, оставляя на колючках изрядное количество ценного материала.

Марта десять раз подумала, прежде чем открыть студию. Правда, аренда выходила недорогая, учитывая близость к Альберт-холлу (спасибо закону о ремеслах); зато доходы Марты сократились, пришлось искать дополнительные источники. Она поместила объявление в газете и написала всем своим прежним покупателям, что набирает «группу для изучения секретов традиционного ткачества». В итоге «группа» представляла собой пестрое собрание весьма обеспеченных граждан. Представители рабочего класса жили чуть ли не впроголодь, куда уж им было тратиться на «баловство». У Марты занимались две дамы из Белгравии (считавшие, что светская болтовня куда интереснее, если под нее гонять челнок и отслеживать узор на картонке, и что это «современно» — уметь отличить уток от основы).

Были еще две подруги — студентки школы изящных искусств Феликса Слейда, с хорошим финансированием и массой свободного времени, а также некий поэт, решивший, что работа за ткацким станком, с яркими нитями, вдохнет в его стихи ритм и обогатит их свежими метафорами. Наконец, была молчаливая женщина, которая пришла по объявлению в газете. Она-то и занимала Марту сверх меры, ибо с начала занятий в ней произошли заметные перемены. Женщина сказала, что недавно соприкоснулась с миром искусства (словно речь шла о неведомой стране), и хочет «заниматься творчеством», поскольку лишена этой радости на основной работе. При этих словах женщина улыбнулась и сообщила, что никогда не рисовала, даже в детстве. Способностей к рисованию нет, что ж поделаешь. Зато ей нравится ткачество, нравятся тактильные ощущения от переплетения нитей. Нравится, что картинка сразу не видна; нужно проанализировать сделанное за день, чтобы получить представление о будущем узоре. «Того же требует и моя работа», — добавила женщина. Марта спросила, кем же она работает, и вместо ответа получила визитную карточку: «МЕЙСИ ДОББС, ПСИХОЛОГ И ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ».

Наверное, для этой Мейси Доббс еженедельные занятия — единственная отдушина, подумала тогда Марта. Однако с каждым занятием Мейси непостижимым образом менялась. В итоге сама художница была поражена результатами. Мейси Доббс одевалась все ярче, ее пальцы сновали все увереннее. На занятии, посвященном окрашиванию шерсти, все ученики брали пряжу, изготовленную в прошлый раз, и окунали в ведерки с красителями, а затем вывешивали над тазиками в специальном помещении. Там пряжа должна находиться до тех пор, пока стечет краска, а потом уж ее размещают для окончательной просушки. Так вот, Мейси Доббс решительно закатала рукава, а когда из чана ей в лицо брызнула краска — просто засмеялась. Матроны из Белгравии поджали губы, поэт смутился. Вскоре женщина, поначалу такая сдержанная, словно закрытая для других учеников, стала стержнем группы — притом позицию эту она завоевала почти молча! Как ей удастся вытягивать из людей информацию, дивилась Марта. Вот, например, сегодня: Мейси рабо-

тала за станком, используя лиловые, пурпурные и желтые нити, и по ходу дела, посредством всего только двух вопросов, узнала всю Мартину историю: как ее привезли в Англию из Польши еще ребенком. Да и не только Мейси Доббс узнала: все слышали, что отец Марты не давал детям говорить по-польски — только по-английски, чтобы они «вписались», чтобы не считались чужаками. А мать одевала их точно так же, как одевали своих детей соседи. Семья даже фамилию новую приняла, сугубо английскую — Джонс, причем сразу, как только высадилась в саутгемптонском порту.

С улыбкой Марта наблюдала, как трудится за станком Мейси Доббс. Опять взяла в руки ее визитку. «ПСИХОЛОГ И ЧАСТНЫЙ ДЕТЕКТИВ». Похоже, эта женщина знает дело, если сразу шесть человек выдали ей куда больше информации о себе, нежели собирались выдать когда бы то ни было и кому бы то ни было. Притом в ответ на очень сомнительную тайну: дескать, Мейси Доббс «нашла себя в окрашивании пряжи».

* * *

Джеймс Комптон шагал мимо Альберт-холла, наслаждаясь теплым сентябрьским вечером. Главный помощник в Торонто оказался прав: с этим участком земли проблем не оберешься. Нужно двадцать раз подумать, прежде чем заключать договор о покупке. Джеймс не хотел ехать в Лондон, хотя поначалу и тешился мыслью о возвращении. А что нашел? В родовом гнезде на Ибери-плейс жить невозможно, пришлось остановиться в отцовском клубе и каждый вечер проводить в компании стариканов, перемежающих мрачные экономические прогнозы фразами: «А вот в мое время...» Тоска зеленая.

Конечно, и в Торонто жизнь не мед — как-никак, Джеймс управляет корпорацией с разносторонними интересами, — но там, в другом полушарии, можно ходить под парусом по озеру, кататься на лыжах в Вермонте, у самой границы с Канадой, ну и смотреть в будущее. Даже холод там другой — не проникает в старые раны, как здесь, в Лондоне. Джеймс думал о безработных, виденных им на бирже труда, в очередях за бесплатным супом; о людях, что каждый день наматывают